

В сборнике представлены лучшие детективные истории Артура Конан Дойла, Уилки Коллинза, Томаса и Мэри Хэнши, Чарльза Диккенса.

К гениальному сыщику Шерлоку Холмсу обращается за помощью девушка по имени Мэри Морстен. Она и ее братья — наследники завидного состояния, клада. Но однажды сокровища исчезают... («Знак четырех»).

Неопытному детективу предстоит нелегкая задача: найти похитителя каких-то 200 фунтов. События начинают разворачиваться совершенно неожиданным образом... («Попался, который кусался»).

Также в сборник вошли рассказы «Страшная веревка» Томаса и Мэри Хэнши и «Три короткие истории из жизни сыщиков» Чарльза Диккенса.

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4558-7

9 786171 1245587

ТРИ КОРОТКИЕ ИСТОРИИ
ИЗ ЖИЗНИ СЫЩИКОВ

ВЕЛИКИЕ СЫЩИКИ И ВЕЛИКИЕ МОШЕННИКИ

ТРИ КОРОТКИЕ
ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ
СЫЩИКОВ

ВЕЛИКИЕ СЫЩИКИ
И ВЕЛИКИЕ МОШЕННИКИ

ТРИ КОРОТКИЕ
ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ
СЫЩИКОВ

СБОРНИК

ХАРЬКОВ **КЛУБ**
2018 **СЕМЕЙНОГО**
ДОСУГА

УДК 821.111
Т67

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Перевод с английского
Елены Боровой, Виталия Михалюка

Предисловие *Андрея Климова*

В оформлении обложки использована картина
Louise Rayner «The Cross looking towards Watergate Street»

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

ISBN 978-617-12-2533-6 (серия)
ISBN 978-617-12-4558-7

- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2018

Преображение сыщика

На самом деле историй в этой книге не три, а гораздо больше. И ее название — всего лишь эхо небольшого рассказа Чарльза Диккенса, написанного в 1850 году. Звезда литературы викторианской эпохи, в чьих книгах есть все: увлекательный сюжет, яркие герои, интриги, любовь, житейские драмы и преступления, а главное — обостренное чувство времени, Диккенс неспроста обратился к образу сыщика. На то были веские причины.

В конце XVIII — начале XIX столетия этот персонаж — и в жизни, и в литературе — выглядел, мягко говоря, неважно. Выходец из социальных низов, ищайка, доносчик, шпион, мелкий мздоимец и зачастую шантажист, раболопно прислуживающий сильным мира сего, — вот его примерный портрет. Однако уже к середине XIX века кое-что изменилось: одна за другой страны Западной Европы создавали сыскные подразделения полиции, одновременно возникали первые частные детективные агентства.

Не последнюю роль в преображении фигуры сыщика в общественном мнении сыграли два выдающихся человека — Франсуа Видок и Алан Пинкертон. Видок — уголовный преступник и дуэлянт, прозванный «королем

риска» и «оборотнем», — в 1810 году предложил свои услуги французскому правительству, мотивируя это тем, что только настоящий преступник способен одолеть преступника. Он стал первым главой французской «Сюрте» — управления национальной безопасности, а в 1833 году организовал первое в мире частное «Бюро расследований». Франсуа Видок по праву считается «отцом» профессиональных частных детективов. За время его работы в «Сюрте» уголовная преступность во Франции снизилась едва ли не вдвое. Ну, а в 1850 году — как раз тогда, когда Диккенс писал свои «Три короткие истории», — в США сыщик и разведчик Алан Пинкертон создал «Национальное детективное агентство Пинкертона» с его легендарным девизом — «Мы никогда не спим».

С тех пор детектив, наделенный незаурядным интеллектом, проницательностью и уникальным знанием жизни, стал не только почтенной фигурой, но и героем великого множества литературных произведений. В конце концов, всякое расследование, в особенности успешное, — это заверченный сюжет, полный тайн, опасностей, случайных прозрений и игры ума.

В этом томе серии мы представляем четырех авторов, и у каждого из них особый взгляд на роль детектива-расследователя.

Повесть Артура Конан Дойла «Знак четырех» (1890), как и другие его рассказы, где главным героем неизменно

становится гениальный Шерлок Холмс, создана «между делом» — писатель был занят романом «Белый отряд» и неохотно откликнулся на просьбу американского издателя как можно быстрее написать эту повесть для британского издания журнала «Lippincott's Monthly». Сегодня «Знак четырех» — классика мировой детективной литературы, ее «золотой фонд», часть мифа, которым окружено имя великого сыщика.

Уилки Коллинз, автор знаменитых романов «Лунный камень» и «Женщина в белом», опубликовал новеллу «Попался, который кусался» в 1858 году. Читатель получил несложную, но изящно построенную детективную историю, в которой нет «закрученного» сюжета и многоходовых интриг, зато неуклюжесть неопытного сыщика придает сюжету почти водевильную окраску. Казалось бы — похищено каких-то 200 фунтов, а какой накал страстей!

Томас Хэнши, писатель и актер, — уроженец Нью-Йорка. В начале XX века в англоязычном мире широкой известностью пользовался цикл его романов и рассказов о блестящем лондонском детективе Гамильтоне Кликке, прозванном «человеком с тысячью лиц», поскольку одним из основных методов его работы было изменение собственной внешности. Ряд произведений Томаса Хэнши о лондонском сыщике написан в сотрудничестве с женой Мэри, а всего на счету супругов — более 150 детективных романов и рассказов. И «Страшная веревка» — один из лучших.

Ну а Диккенс... Великий мастер может позволить себе иронию даже тогда, когда речь идет об очень серьезных вещах. К тому же ирония эта особого свойства — чисто английская, и разглядеть ее не так-то просто.

Детектив тем и хорош, что таинственные происшествия и загадки рано или поздно раскрываются, столкновения справедливости с беззаконием завершаются бесспорной победой справедливости и за всем этим стоит фигура сыщика — будь он профессионал, частный следователь или любитель, вынужденный исследовать необыкновенное происшествие в силу острой необходимости. Именно этого «трехликого» героя вознес на пьедестал XIX век, и с тех пор он не покидает страницы книг, а также кино- и телеэкраны по всему миру.

А. Климов

Артур Конан Дойл

Знак четырех

Глава первая

НАУКА ДЕЛАТЬ ВЫВОДЫ

Шерлок Холмс взял с каминной полки пузырек, вытащил из аккуратного сафьянового чехла шприц, длинными белыми нервными пальцами приладил тонкую иглу и закатил рукав на левой руке. Какое-то время он задумчиво смотрел на свое мускулистое предплечье, густо покрытое крохотными следами от прежних уколов, потом ввел иглу в вену, надавил на маленький поршень и с долгим удовлетворенным вздохом откинулся на спинку бархатного кресла.

Уже много месяцев три раза в день я был свидетелем этого действия, даже привык, но ни в коем случае не смирился. Напротив, пагубная привычка моего друга раздражала меня все больше и больше, мысль о том, что мне не хватает решительности протестовать, не давала мне спать спокойно. Сколько раз я обещал себе поговорить с Холмсом начистоту, но что-то в его характере, какая-то особенная бесстрастность, невозмутимость, делала его человеком, в обращении с которым ни о каких

вольностях не могло быть и речи. Его огромный талант, безупречные манеры и прочие многочисленные достоинства, с которыми я был знаком не понаслышке, заставляли меня чувствовать неуверенность в себе и отбивали охоту вступать с ним в спор.

Не знаю, что подействовало на меня в то утро, то ли лишний бокал бургундского за завтраком, то ли приступ отчаяния, но я вдруг почувствовал, что больше не могу сдерживаться.

— Сегодня у вас что? — спросил я. — Морфий или кокаин?

Холмс оторвался от старой, набранной готическим шрифтом книги и вяло поднял на меня глаза.

— Кокаин, — сказал он. — Семипроцентный... раствор. Не хотите попробовать?

— Благодарю покорно, — резко сказал я. — Мой организм еще не окреп после Афганистана, лишние нагрузки ему ни к чему.

Моя горячность его рассмешила.

— Возможно, вы и правы, Ватсон, — улыбнулся Холмс. — Наверное, вещество это имеет пагубное физическое воздействие. Однако при этом происходит такая мощная стимуляция и очищение мозга, что побочные эффекты можно не принимать во внимание.

— Но подумайте только, — вскипел я, — какую цену вы за это платите! Может быть, мозг ваш, как вы говорите, и приходит в возбужденное состояние, но в организ-

ме-то от этого происходят неестественные, нездоровые процессы, в том числе и усиление обмена веществ, что в конце концов может закончиться постоянным упадком сил. А о том, какая потом наступает реакция, вы забыли? Нет, игра эта не стоит свеч. Ради минутного удовольствия вы рискуете навсегда утратить свой великий дар. Помните, сейчас я говорю не только как друг, но и как врач, который в некотором роде отвечает за ваше здоровье.

Холмс нисколько не обиделся. Наоборот, с видом человека, расположенного к разговору, он соединил кончики пальцев и уперся локтями в ручки кресла.

— От долгого простоя, — сказал он, — мой мозг восстает. Дайте мне загадки, предоставьте работу, найдите самые сложные шифры или самые запутанные головоломки, и я окажусь в своей стихии. Тогда мне больше не понадобятся искусственные стимуляторы. Но скучное размеренное существование я ненавижу. Мой мозг требует работы. Именно поэтому я и выбрал себе такую профессию... Вернее, создал ее, поскольку во всем мире я такой один.

— Единственный на весь мир частный детектив? — удивился я.

— Единственный на весь мир частный детектив-консультант, — уточнил мой друг. — В криминалистике я — последняя и высшая инстанция. Когда Грегсон, Лестрейд или Этелни Джонс заходят в тупик (а это, кстати сказать, их обычное состояние), дело выносится на мой

суд. Я, как эксперт, изучаю факты и высказываю мнение специалиста. И за свою помощь я ничего не прошу. В газетах мое имя не гремит. Лучшей наградой для меня служит возможность применить на практике свои своеобразные таланты. Да вы и сами могли видеть, как я работаю, вспомните дело Джефферсона Хоупа.

— Это точно, — поддержал я его. — Никогда в жизни я так не удивлялся, как тогда. Я даже описал эти события в небольшой повести и выпустил ее под несколькими странным названием «Этюд в багровых тонах».

Холмс уныло покачал головой.

— Я как-то брал в руки эту брошюру. Если честно, не могу вас похвалить. Дедукция является точной наукой или должна быть таковой, и относиться к ней нужно серьезно, без лишней чувствительности, как это сделали вы. Представьте себе, что кто-то вплел романтическую историю или любовный треугольник в пятый постулат Эвклида. У вас получился примерно такой же результат.

— Но ведь в деле Джефферсона Хоупа действительно присутствовала романтическая история, — запротестовал я. — Я же не мог исказить факты.

— Некоторые факты нужно было опустить, или, по крайней мере, им следовало уделить не так много внимания. Во всем этом деле единственным заслуживающим упоминания пунктом была та любопытная цепочка логических выводов, которая привела меня от следствий к причинам, в результате чего преступление и было раскрыто.

Признаться, меня сильно огорчила эта критика, тем более что повесть-то я написал специально, чтобы сделать Холмсу приятное. Кроме того, его эгоистичная уверенность в том, что каждая строчка моего сочинения должна была быть посвящена исключительно ему и его методу, меня порядком раздражала. За годы, проведенные на Бейкер-стрит, под одной крышей с Шерлоком Холмсом, я не раз замечал, что за взвешенным характером моего друга и его вечной привычкой поучать скрывается тяга к тщеславию. Но я решил все-таки не высказывать эти мысли вслух. С отрешенным видом я стал массировать раненую ногу. Когда-то в нее угодила пуля, выпущенная из афганского джезайла, и, хоть я и не утратил возможности ходить, при каждой перемене погоды рана сильно болела.

— Недавно я стал работать и на континенте, — немного помолчав, сказал Холмс, набивая свою старую вересковую трубку. — На прошлой неделе ко мне за консультацией обратился Франсуа Ле Виллар, который, вы, наверное, слышали, с некоторых пор считается одним из лучших детективов Франции. Он наделен кельтской смекалкой, но ему не хватает практических знаний в очень многих областях, а без этого он не сможет развиваться дальше. Дело касалось одного завещания, и в нем было несколько довольно любопытных особенностей. Я указал Виллару на два похожих случая, происшедших в Риге в 1857 году и в Сент-Луисе в 1871-м, что и подсказало ему

верное решение. Вот письмо с благодарностью от него, которое я получил сегодня утром.

Мой друг бросил на стол помятый листок бумаги с иностранными водяными знаками. Я пробежал глазами сие послание, изобилующее восторженными словами, пересыпанное всевозможными «*magnifique*», «*coup-de-maitre*» и «*tour-de-force*»¹, свидетельствующими о неподдельном восхищении француза.

— Похоже на письмо ученика наставнику, — заметил я.

— О, Виллар переоценивает мою помощь, — отмахнулся Шерлок Холмс. — Он сам достаточно талантлив. У него есть два из трех необходимых идеальному сыщику качеств. Он умеет наблюдать и делать выводы. Единственное, чего ему не хватает, — знания, а это дело наживное. Сейчас он переводит на французский мои работы.

— Ваши работы?

— А вы разве не знали? — рассмеялся Холмс. — Да, признаюсь, есть такой грех. Я написал несколько монографий по техническим вопросам. Например, «Об отличиях между пеплом различных сортов табака». В этой монографии я описываю сто сорок видов сигарного, сигаретного и трубочного табака. Издание снабжено

¹ «*Magnifique*», «*coup-de-maitre*», «*tour-de-force*» — блестяще, мастерский ход, проявление таланта (*фр.*). (*Здесь и далее примеч. пер.*)

цветными иллюстрациями. Тема эта постоянно всплывает в уголовных судах, поскольку табачный пепел может иметь огромное значение как улика. Вот, скажем, если вам точно известно, что какое-то убийство было совершено человеком, курившим индийский табак, это ведь наверняка уменьшит поле для поисков. Опытному глазу разница между черным пеплом индийского трихинопольского табака и белыми хлопьями «птичьего глаза» видна так же, как разница между капустой и картошкой.

— Ваше умение замечать мелочи всегда меня поражало, — заметил я.

— Я просто понимаю, насколько они важны. Еще я написал монографию о том, как читать следы, где упомянул и об использовании гипса для снятия слепков. Есть еще одна любопытная работа о влиянии профессии человека на форму руки, снабженная литографиями отпечатков рук кровельщиков, матросов, резчиков коры пробкового дерева, композиторов, ткачей и шлифовальщиков алмазов. Мои работы имеют огромное практическое значение для детективов, относящихся к своей профессии как к науке... Последняя — особенно в тех случаях, когда нужно опознать труп или выяснить, чем раньше занимался преступник. Однако я вас уже утомил рассказом о своем увлечении.

— Вовсе нет, — искренне возразил я. — Мне это очень интересно, особенно потому, что я имею возмож-

ность наблюдать применение этих знаний на практике. Но вот вы только что разграничили умение наблюдать и умение делать выводы. Однако наверняка одно в какой-то мере предполагает другое.

— Не совсем так, — сказал Холмс, устраиваясь удобнее в кресле и выпуская густое голубоватое кольцо дыма из трубки. — Например, я вижу, что сегодня утром вы побывали в почтовом отделении на Уигмор-стрит, но лишь благодаря умению делать выводы я узнал, что вы ходили туда за тем, чтобы отправить телеграмму.

— Верно! — воскликнул я. — И то, и то в точку! Хотя, если честно, я совершенно не понимаю, как вы об этом догадались. Решение сходить туда пришло мне внезапно, и я никому об этом не рассказывал.

— Это было просто, — улыбнулся он, видя мое удивление. — Настолько просто, что тут и объяснять нечего. Хотя этот пример действительно служит хорошей иллюстрацией того, где проходит граница между умением наблюдать и умением делать выводы. Я видел, что к вашей подошве прилип маленький красноватый комок земли. Прямо напротив почты на Сеймур-стрит ремонтируют дорогу, там сняли покрытие с тротуара и разбросали землю, так что зайти в здание, не наступив на грязь, почти невозможно. Земля в этом месте имеет красноватый оттенок, который, насколько мне известно, больше нигде в округе не встречается. Вот то, что

дало мне умение наблюдать. Остальное — результат логических размышлений.

— И как же вы пришли к выводу, что я посылал телеграмму?

— Ватсон, я же все утро просидел напротив вас. Если бы вы писали письмо, я бы это заметил. В ящике вашего стола, который вы забыли задвинуть, я вижу блок марок и толстую пачку почтовых открыток. С какой еще целью вы могли ходить на почту, если не для того, чтобы послать телеграмму? Отбросьте маловероятные объяснения, то, что останется, и будет правдой.

— В этом случае все действительно так, — подумав, согласился я. — Но, как вы сами говорите, случай этот был простейшим. Вы не сочтете меня навязчивым, если я предложу вам задачу посложнее?

— Напротив! — сказал Холмс. — Это избавит меня от второй дозы кокаина. Я с радостью возьмусь за любую задачу, которую вы мне предложите.

— Вот вы как-то говорили, что на любой вещи, которой человек пользуется ежедневно, остаются отметины и опытному наблюдателю они могут рассказать все о ее владельце. Недавно ко мне попали вот эти часы. Не могли бы вы сказать, кто был их предыдущим владельцем и каковы были его привычки?

Я передал ему часы, признаться, не без внутреннего ехидства, поскольку считал, что ничего у него не получится, и думал, что это станет моему другу хорошим

уроком за тот менторский тон, которым он иногда разговаривал. Он взвесил часы в руке, внимательно осмотрел циферблат, открыл заднюю крышку и изучил механизм, сначала невооруженным глазом, потом через мощную линзу. Я едва сдерживал улыбку, видя, с каким печальным лицом он захлопнул крышку и вернул мне часы.

— Сказать почти ничего нельзя, — заметил Холмс. — Часы недавно побывали в мастерской, их там почистили, что лишило меня главных оснований для выводов.

— Вы правы, — сказал я. — Их почистили перед тем, как послать мне.

Мысленно же я обвинил своего друга в том, что он воспользовался самым очевидным и необедительным предлогом, чтобы оправдать свой провал.

— Хотя результаты моих исследований и оказались неудовлетворительными, кое-что я сказать все же могу, — произнес он, устремив в потолок отсутствующий взгляд. — Поправьте меня, если я в чем-нибудь ошибусь. Насколько я могу судить, часы эти раньше принадлежали вашему старшему брату, а он унаследовал их от отца.

— Об этом вы, несомненно, догадались по буквам «Г» и «В», выгравированным на задней крышке?

— Верно. С буквы «В» начинается ваша фамилия. Судя по дате, часы изготовлены почти пятьдесят лет назад, гравировка была сделана тогда же, то есть часы принадлежали человеку старшего поколения. Подобные

вещи обычно передаются по наследству старшему сыну, который чаще всего носит то же имя, что и отец. Если не ошибаюсь, отец ваш умер много лет назад, следовательно, часами владел ваш старший брат.

— Пока все правильно. Что-нибудь еще можете добавить?

— Брат ваш был человеком неряшливым... очень неряшливым и легкомысленным. У него была возможность хорошо устроиться в жизни, но он не сумел ею воспользоваться, жил в нищете (правда, деньги у него время от времени водились), потом начал пить и умер. Это все, что мне удалось установить.

Я вскочил с кресла и стал, прихрамывая, нервно ходить по комнате, негодуя стискивая кулаки.

— Как вам не стыдно, Холмс! — воскликнул я. — Не думал, что вы можете опуститься до такого. Вам кто-то рассказал о судьбе моего несчастного брата, а теперь вы делаете вид, что узнали все это только что. Неужели вы надеетесь, что я поверю, будто вы все это узнали по его старым часам! Это жестоко и, честно говоря, пахнет шарлатанством.

— Дорогой доктор, — мягко сказал Холмс, — прошу, примите мои извинения. Рассматривая это дело как абстрактную проблему, я забыл, насколько близка и тяжела для вас может быть эта тема. Но, уверяю вас, до того, как вы показали мне эти часы, я даже не знал, что у вас был брат.

— Так каким же чудесным образом вы умудрились обо всем этом узнать? Все, что вы рассказали, до малейшей детали, — истинная правда.

— Мне просто повезло. Я всего лишь выбирал наиболее правдоподобное объяснение тому, что вижу. Я и не думал, что все так совпадет.

— То есть это была не случайная догадка?

— Нет-нет. Я никогда не полагаюсь на случайные догадки. Это порочная привычка... разрушительная для навыков логического мышления. Вам все это показалось странным только потому, что вы не имели возможности наблюдать за ходом моих мыслей, к тому же не замечаете частностей, на основании которых строятся общие выводы. Вот, к примеру, я начал с утверждения, что ваш брат был неряшливым. Стоит присмотреться к нижней части корпуса часов, и вы увидите не только две вмятины, но и многочисленные царапины, появившиеся от привычки носить другие твердые предметы (например, монеты или ключи) в том же кармане. Не так уж сложно догадаться, что человек, который так легкомысленно относится к часам за пятьдесят гиней, скорее всего, не отличается аккуратностью. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что раз человек получил в наследство столь дорогой предмет, то и само наследство было немаленьким.

Я кивком дал понять, что согласен с его выводами.

— Работники английских ломбардов очень часто, принимая часы, выцарапывают иглой на внутренней сторо-

не крышки номер квитанции. Это намного удобнее, чем клеить ярлык, так номер не потеряется и его невозможно подменить. Через лупу я сумел рассмотреть на крышке не меньше четырех таких номеров. Вывод: ваш брат часто оказывался на мели. Второй вывод: иногда ему случалось разбогатеть, иначе он не смог бы выкупить часы. И наконец, взгляните сами на внутреннюю сторону крышки, туда, где находится отверстие для ключа. Видите тысячи царапин вокруг отверстия? Это следы от ключа. Скажите, трезвый человек может так промахиваться? Ни у одного пьяницы вы не найдете часов без подобных отметин. Когда выпивший человек заводит часы на ночь дрожащими руками, ключ оставляет такие царапины. Что же тут таинственного?

— Теперь все ясно как божий день, — сказал я. — Простите, что отнесся к вам так несправедливо. Мне бы следовало больше доверять вашим удивительным способностям. Могу ли я узнать, в настоящее время вы расследуете какое-нибудь дело?

— Нет. Отсюда и кокаин. Я не могу без умственной работы. Зачем вообще жить, если не нужно думать? Посмотрите в окно. Видите, как желтый туман сгущается на улицах и обволакивает унылые серые дома? Что может быть более скучным и материальным? Скажите, доктор, какой смысл обладать силой, но не иметь возможности ее применить? Преступления стали неинтересными, жизнь нудной. В мире не осталось ничего, кроме скуки.

Я уже открыл рот, чтобы ответить на сию тираду, но тут раздался решительный стук в дверь и в комнату вошла наша квартирная хозяйка с медным подносом, на котором лежала визитная карточка.

— К вам юная леди, — обратилась миссис Хадсон к моему другу.

— Мисс Мэри Морстен, — прочитал он. — Хм! Такого имени я не помню. Попросите юную леди войти, миссис Хадсон. Не уходите, доктор. Я бы хотел, чтобы вы остались.

Глава вторая

СУТЬ ДЕЛА

Мисс Морстен вошла в комнату уверенно и непринужденно. Это была юная леди со светлыми волосами, невысокого роста, стройная, в идеально сидящих перчатках. То, как мисс Морстен была одета, не оставляло сомнения, что она обладает прекрасным вкусом. Однако в наряде ее чувствовалась скромность и простота, что наводило на мысль о стесненных обстоятельствах. На ней было шерстяное платье сдержанного серого цвета, без отделки и плетений, на голове — небольшой тюрбан того же неброского оттенка, оживленный лишь маленьким перышком сбоку. Нельзя сказать, что лицо девушки было прекрасным или имело идеальную форму, но смотреть на него было приятно, тем более что большие синие глаза ее излучали доброту и одухотворенность. Я по-

бывал на трех континентах и видел женщин разных рас и национальностей, но нигде не встречал лица, которое бы так откровенно говорило об утонченной натуре и чутком сердце. Когда мисс Морстен села на стул, предложенный Шерлоком Холмсом, я не мог не заметить, что у нее дрожат губы и трясутся руки, что указывало на крайнее внутреннее волнение.

— Я пришла к вам, мистер Холмс, — сказала мисс Морстен, — потому что вы однажды помогли моей хозяйке, миссис Сесил Форрестер, распутать одну семейную историю. Ваша отзывчивость и мастерство произвели на нее огромное впечатление.

— Миссис Форрестер? — задумчиво повторил мой друг. — Да, помню, я немного помог ей. Но дело это было совсем не сложным.

— Она так не считает. Но мое дело вам простым не покажется. Я не могу себе представить что-либо более странное и необъяснимое, чем положение, в котором я оказалась.

Холмс потер руки, в глазах его блеснул огонек. Не вставая с кресла, мой друг подался вперед, и его чисто выбритое ястребиное лицо приняло выражение глубочайшего внимания.

— Изложите суть дела, — коротко, по-деловому произнес он.

Мне показалось, что мое присутствие может смутить посетительницу.

— С вашего позволения я уйду, — сказал я и поднялся с кресла, но, к моему удивлению, девушка жестом затянутой в перчатку руки остановила меня.

— Если ваш друг останется, — сказала она Холмсу, — он окажет мне неоценимую услугу.

Я вновь опустился в кресло.

— Я коротко изложу факты, — продолжила мисс Морстен. — Мой отец служил в Индии. Когда я была еще совсем маленькой, он отправил меня домой, в Англию. Моя мать умерла, и родственников здесь у нас не было, поэтому отец отдал меня в хороший пансион в Эдинбурге. Там я оставалась, пока мне не исполнилось семнадцать лет. В 1878 году отцу, который был старшим офицером полка, дали двенадцатимесячный отпуск и он отправился домой. Из Лондона он прислал мне телеграмму, в которой сообщал, что добрался благополучно, и просил меня приехать поскорее в гостиницу «Лэнем», где он остановился. Помню, что послание его показалось мне очень душевным, мне так приятно было осознавать, как сильно он меня любит. Приехав в Лондон, я отправилась в «Лэнем». Там мне сказали, что капитан Морстен действительно у них остановился, но прошлой ночью он куда-то ушел и до сих пор не вернулся. Я прождала его весь день, но он так и не появился и никаких вестей от него не было. Вечером по совету управляющего гостиницей я обратилась в полицию, и с ее помощью уже на следующее утро во всех газетах вышло объявление об исчезновении моего отца.

Но это не дало никакого результата и с того самого дня я больше о нем не слышала. Он так спешил домой, хотел отдохнуть здесь, набраться сил, а вместо этого... — Девушка закрыла лицо руками и сдержанно всхлипнула, прервав свой рассказ.

— Назовите точную дату. — Холмс открыл свою записную книжку.

— Исчез он третьего декабря 1878 года... Почти десять лет назад.

— А его багаж?

— Остался в гостинице. Но среди его вещей не было ничего, что хоть как-то могло бы подсказать... Кое-какая одежда, несколько книг и довольно большая коллекция всяких редкостей с Андаманских островов. Он служил там офицером в части, охранявшей тюрьму.

— В Лондоне у него были друзья?

— Я знаю только... майора Шолто, с которым они служили в Тридцать четвертом бомбейском пехотном полку. Майор вышел в отставку незадолго до приезда отца и поселился в Аппер-Норвуде. Я, конечно, к нему обратилась, но он даже не знал, что его армейский товарищ приезжал в Англию.

— Весьма любопытно, — заметил Холмс.

— До самого интересного я еще не дошла. Около шести лет назад, если точнее, четвертого мая 1882 года, в «Таймс» появилось объявление на имя мисс Мэри Морстен. В нем говорилось, что в моих интересах

откликнуться на него. Ни имени, ни адреса указано не было. Я тогда только устроилась гувернанткой к миссис Сесил Форрестер. Она мне и посоветовала напечатать свой адрес в колонке объявлений. В тот же день мне по почте пришла маленькая картонная коробочка, а в ней была жемчужина, очень большая и красивая. Ни письма, ни какого-либо объяснения не прилагалось. С той поры каждый год в один и тот же день я получаю точно такую же коробочку с точно такой же жемчужиной и не имею ни малейшего понятия о том, кто их шлет. Я отнесла жемчуг ювелиру, и он сказал, что это редкие и очень дорогие жемчужины. Вы и сами в этом можете убедиться.

Она раскрыла плоский коробок и показала шесть самых изумительных жемчужин, которые мне когда-либо приходилось видеть.

— То, что вы рассказали, очень интересно, — сказал Шерлок Холмс. — Еще что-нибудь необычное с вами происходило?

— Да, и не далее как сегодня утром. Поэтому-то я и приехала к вам. Я получила вот это письмо. Если хотите, можете сами его прочитать.

— Благодарю вас, — сказал Холмс. — И конверт, пожалуйста. На штампе указано «Лондон, S. W.», дата — седьмое июля. Гм! На углу отпечаток мужского большого пальца... Может быть, его оставил почтальон. Бумага дорогая. Конверт по шестипенсовику за пачку. Этот че-

ловек следит за своей канцелярией. Адрес не указан. «Будьте сегодня в семь часов вечера у театра “Лицеум” у третьей колонны слева. Если боитесь, можете привести с собой двух друзей. К вам отнеслись несправедливо, и я хочу исправить это. Не обращайтесь в полицию. Если сделаете это, ничего не получится. Доброжелатель». Должен вам сказать, это действительно довольно любопытная загадка. Как же вы намерены поступить, мисс Морстен?

— Я хотела просить вас помочь мне.

— Что ж, конечно же я пойду с вами. Отправимся вместе, вы, я и... А почему бы и нет, доктор Ватсон. Ваш корреспондент пишет, что вы можете взять с собой двух друзей. Мы с доктором уже работали вместе.

— Но согласится ли он? — как-то проникновенно сказала мисс Морстен и робко посмотрела в мою сторону.

— Я буду искренне рад помочь вам! — горячо воскликнул я.

— Вы оба так добры, — сказала она. — Я живу уединенно, и у меня нет друзей, к которым я могла бы обратиться. Если я заеду за вами в шесть, это будет не поздно?

— Хорошо, только не опаздывайте, — сказал Холмс. — Еще один вопрос, мисс Морстен. Скажите, этот почерк тот же, что и на коробках, в которых присылали жемчужины?

— А они у меня с собой, — сказала она и достала несколько листов оберточной бумаги.

— Вы просто идеальный клиент, чувствуете, что может помочь делу. Давайте посмотрим. — Он разложил листы на столе и быстро, но внимательно осмотрел каждый. — Почерк изменен. На всех, кроме последнего, — наконец вынес Холмс свой вердикт. — Но очевидно, что это писал один и тот же человек. Видите, «e» везде написано неразборчиво и отдельно от остальных букв, а конечная «s» имеет закругленный хвост. Сомнений нет. Мисс Морстен, я бы не хотел, чтобы у вас появились ложные надежды, но этот почерк не напоминает почерк вашего отца?

— Совершенно не похож.

— Я так и думал. Что ж, ждем вас в шесть. Если позволите, эти бумаги пока останутся у меня. У меня еще есть время подумать над этим делом, сейчас только половина четвертого. *Au revoir*¹.

— *Au revoir*, — сказала наша гостья, сверкнув ясными глазами, спрятала коробочку с жемчужинами за корсаж и ушла.

Стоя у окна, я наблюдал, как она торопливо идет по улице, пока ее серый тюрбан со светлым перышком не растворился в мрачной толпе.

— Какая симпатичная девушка! — сказал я, поворачиваясь к своему другу.

¹ *Au revoir* — до свидания (фр.).

Он уже успел снова разжечь свою трубку и теперь сидел с полузакрытыми глазами, откинувшись на спинку кресла.

— В самом деле? — нехотя оторвался Холмс от своих мыслей. — Я не обратил внимания.

— Какой же вы сухарь! — воскликнул я. — Иногда мне кажется, что вы не человек, а просто счетная машина какая-то!

Он усмехнулся.

— Чрезвычайно важно, — сказал мой друг, — не допускать, чтобы личные качества человека влияли на ход ваших мыслей. Для меня клиент — лишь отдельная единица... один из факторов, составляющих проблему. Эмоции мешают работе, не дают мыслить четко и логично. Самая красивая женщина, какую я когда-либо видел, была повешена за то, что отравила троих своих детей, рассчитывая получить за них страховку, а самый уродливый мужчина, которого я знаю, — филантроп, потративший почти четверть миллиона на лондонских бедняков.

— Да, но в этом случае...

— Я не делаю исключений. Исключения опровергают правила. Вам не приходилось изучать характер человека по его почерку? Что вы скажете об этом?

— Написано разборчиво, ровно. Должно быть, это человек деловой, с характером, — предположил я.

Холмс покачал головой.

— Посмотрите на высокие буквы, — сказал он. — Они почти не выступают из строчек. Вот эта «d» выгля-

дит почти как «а», а эта «l» — как «е». Уверенные в себе люди всегда выделяют высокие буквы, каким бы неразборчивым ни был их почерк. Строчные «k» он пишет по-разному, хотя в прописных буквах чувствуется самоуважение. Мне нужно уйти, Ватсон, хочу навести кое-какие справки. Вам я посоветую пока почитать вот эту книгу... Это одно из величайших произведений, когда-либо написанных. «Мученичество человека» Уинвуда Рида. Я вернусь через час.

Я сидел у окна с раскрытой книгой в руках, но мысли мои были далеко от смелых писательских фантазий. В ту минуту я думал о нашей посетительнице... Вспоминал ее улыбку, красивый грудной голос, странную загадку, которая вторглась в ее жизнь. Если мисс Морстен было семнадцать, когда пропал ее отец, сейчас ей должно быть двадцать семь. Какой чудесный возраст. В этом возрасте юность перестает быть самодостаточной, жизнь накладывает на человека отпечаток и заставляет его быть более благоразумным. Так я сидел и размышлял, пока в голову мне не начали приходить мысли столь опасные, что я поспешно пересел за свой письменный стол и углубился в последний трактат по патологии. Кто я такой, чтобы позволять себе подобные мысли! Отставной полковой лекарь с простреленной ногой и скудным банковским счетом. Мисс Морстен — отдельная единица, фактор, не более. Если меня ждет мрачное будущее, нужно принять это как подобает мужчине, а не витать в облаках, мечтая о несбыточном.

Глава третья

В ПОИСКАХ РЕШЕНИЯ

Холмс вернулся, когда на часах было половина шестого. Он был бодр, энергичен и в прекрасном расположении духа, в общем, находился в том настроении, которое обычно приходило на смену глубочайшей депрессии.

— Дело это вовсе не столь загадочно, — сказал он, принимая из моих рук чашку чая. — Похоже, существует лишь одно объяснение фактам.

— Как? Неужели вы уже разгадали эту загадку?

— Ну, так говорить я бы не стал. Я всего лишь нашел отправную точку, с которой можно начинать строить выводы. Но это даже не точка, это жирное пятно. Мне, правда, пока еще не хватает кое-каких деталей. В общем, только что, просматривая подшивку «Таймс», я обнаружил, что майор Шолто, проживавший в Аппер-Норвуде и служивший ранее в Тридцать четвертом бомбейском пехотном полку, умер двадцать восьмого апреля одна тысяча восемьсот восемьдесят второго года.

— Холмс, вы, вероятно, сочтете меня тупицей, но, если честно, я не понимаю, что нам это дает.

— В самом деле? Вы меня удивляете, Ватсон. Что ж, давайте посмотрим на это под таким углом. Капитан Морстен исчез. В Лондоне есть лишь один человек, к которому он мог пойти: это майор Шолто. Но майор заявил, что не знал о том, что его друг тогда находился в Лондоне. Через четыре года Шолто умирает. Не прошло и недели со дня

его смерти, как дочь капитана Морстена получает ценный подарок, через год еще один, потом еще и еще, пока все это не заканчивается письмом, в котором ее называют жертвой несправедливости. О чем может идти речь? Конечно же это как-то связано с ее отцом. А почему подарки стали приходить сразу же после смерти Шолто? Да потому что его наследнику стало известно о некой тайне и он захотел вернуть мисс Морстен то, что, как он считает, принадлежит ей по праву. Можете вы предложить другое объяснение, которое связало бы воедино все эти факты?

— Но что за странная форма восстановления справедливости! И почему наследник этот написал письмо только сейчас, а не шесть лет назад? На какую справедливость может рассчитывать мисс Морстен? На то, что ее отец все еще жив? Вряд ли. Больше ведь она нам ни о чем не рассказала.

— Вопросы, конечно же, еще остались, — задумчиво произнес Шерлок Холмс. — Но наша сегодняшняя вылазка все объяснит. Ага, вот и кеб, пожаловала мисс Морстен. Вы готовы? Тогда давайте скорее спускаться, время поджимает.

Я взял шляпу и самую тяжелую свою трость. Я заметил, что Холмс достал из ящика стола револьвер и положил его себе в карман. Судя по всему, мой друг предполагал, что ночью нас ждет серьезная работа.

Мисс Морстен куталась в темный плащ, ее милое лицо было спокойно, но бледно. Она не была бы женщи-

Артур Конан Дойл (1859—1930) — английский писатель, врач по образованию, автор детективных и приключенческих произведений, получивших всемирную известность. В конце 80-х гг. XIX в. ради развлечения он написал первые детективные рассказы о сыщике-любителе Шерлоке Холмсе, которые вызвали у читателей неожиданный интерес. Истории о детективе с Бейкер-стрит оказались невероятно популярны, многие даже сочли Холмса реально существующим человеком. Автор получал огромное количество писем, адресованных сыщику. Конан Дойл написал также немало исторических и фантастических повестей и романов («Изгнанники», «Затерянный мир» и др.). В 1899—1902 гг. в качестве полкового врача участвовал в англо-бурской войне. В конце жизни стал членом оккультного общества «Золотая заря», президентом Британской коллегии оккультных наук, создал фундаментальную «Историю спиритизма».

Уильям Уилки Коллинз (1824—1889) — английский писатель, автор 27 романов, 15 пьес и более чем полусотни рассказов. После смерти отца, известного художника, в 1847 г. Коллинз написал свою первую книгу, «Воспоминания о жизни Уильяма Коллинза, эсквайра». В 1850 г. опубликовал свой первый роман, «Антонина». В 1851 г. познакомился с Чарльзом Диккенсом, с которым подружился на всю жизнь. Лучший и самый знаменитый роман Коллинза — «Лунный камень» (1868) часто считается первым детективным романом на английском языке: его отличает психологическая точность, сочетание логического, типично «детективного», мышления с романтическими мотивами; повествование попеременно ведется от лица разных персонажей.

Детективный сюжет также играет важную роль в романе «Женщина в белом» (1860).

Чарльз Диккенс (1812—1870) — английский писатель, один из величайших англоязычных прозаиков XIX века, гуманист, классик мировой литературы. Проза Диккенса пронизана остроумием, повлиявшим на оригинальность национального характера и образа мышления, известного в мире как «английский юмор». Но юмор часто был для Диккенса щитом от сокрушительных жизненных ударов, как в детстве, так и во взрослой жизни.

Первые нравоописательные очерки Диккенса, которые он назвал «Очерками Боза», были напечатаны в 1836 году. Головокружительный успех пришел в этом же году с появлением первых глав его «Посмертных записок Пиквикского клуба». Его произведения «Приключения Николаса Никльби», «Приключения Оливера Твиста», «Тяжелые времена» «Дэвид Копперфильд», «Холодный дом», «Повесть о двух городах», «Большие надежды», «Тайна Эдвина Друда» ярко и красочно рисовали неприглядную сторону жизни английского общества.

Слава Диккенса продолжала расти после его смерти, его имя стало называться рядом с именами Шекспира и Байрона.

Томас У. Хэнши (1857—1914). Будущий писатель родился в Нью-Йорке, с детства увлекался театром и уже в 16 лет участвовал в спектаклях. Со временем Томас становится успешным театральным актером. Параллельно актерской деятельности Хэнши пишет криминальные рассказы, часто в соавторстве с женой Мэри. В конце 1890-х годов писатель переезжает вместе с семьей в Лондон, где создает своего самого известного персонажа — сыщика Гамильтона Клика. Первый сборник рассказов о Клике вышел в 1910 году и имел огромный успех. Критики высоко оценивали динамику повествования и хороший слог Хэнши.

После смерти Томаса Хэнши в 1914 году истории о Клике продолжили писать его жена и дочь.

Содержание

Преображение сыщика. *Предисловие* 5

Артур Конан Дойл

Знак четырех (*пер. В. Михалюка*) 9

Уилки Коллинз

Попался, который кусался (*пер. Е. Боровой*) 186

Мэри Э. Хэнши, Томас У. Хэнши

Страшная веревка (*пер. Е. Боровой*) 235

Чарльз Диккенс

Три короткие истории из жизни сыщиков
(*пер. В. Михалюка*) 267

Літературно-художнє видання

Серія «Великі сищики і великі шахраї»

Три короткі історії з життя сищиків
Збірка
(російською мовою)

Укладач *Євгенія Рібакова*

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *А. О. Колюбакина*
Художній редактор *В. О. Трубчанінов*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. Є. Шишацький*

Підписано до друку 23.05.2018. Формат 70x100/32.
Друк офсетний. Гарнітура «Literaturnaуа». Ум. друк. арк. 11,61.
Наклад 5300 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПрАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

Серия «Великие сыщики и великие мошенники»

Три короткие истории из жизни сыщиков
Сборник

Составитель *Евгения Рыбакова*

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*

Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*

Редактор *А. А. Колобакина*

Художественный редактор *В. А. Трубчинов*

Технический редактор *В. Г. Евлахов*

Корректор *А. Е. Шишацкий*

Подписано в печать 23.05.2018. Формат 70х100/32.
Печать офсетная. Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 11,61.
Тираж 5300 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

Св. № ДК65 от 26.05.2000

61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а

E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ЧАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

До гениального детектива Шерлока Голмса звертається по допомогу дівчина на ймення Мері Морстен. Вона та її брати — спадкоємці змалили статків, справжніх скарбів. Проте одного разу ці скарби зникають... («*Знак чотирьох*»). Недосвідченому детективові необхідно вирішити непросту задачу: знайти викрадача якихось 200 фунтів. Події набувають несподіваного розвитку... («*Попався той, що кусався*»).

Також до збірки увійшли «*Страшна мотузка*» Томаса і Мері Генші та «*Три короткі історії з життя сищиків*» Чарльза Діккенса.

Три короткие истории из жизни сыщиков : сборник / пер. с англ. Е. Боровой, В. Михалюка; сост. Е. Рыбакова ; предисл. А. Климова. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 288 с. — (Серия «Великие сыщики и великие мошенники», ISBN 978-617-12-2533-6)

ISBN 978-617-12-4558-7

К гениальному сыщику Шерлоку Холмсу обращается за помощью девушка по имени Мэри Морстен. Девушка и ее братья — наследники завидного состояния, клада. Но однажды сокровища исчезают... («*Знак четырех*»). Неопытному детективу предстоит нелегкая задача: найти похитителя каких-то 200 фунтов. События начинают разворачиваться совершенно неожиданным путем... («*Попався, который кусался*»).

Также в сборник вошли рассказы «*Страшная веревка*» Томаса и Мэри Хэнши и «*Три короткие истории из жизни сыщиков*» Чарльза Диккенса.

УДК 821.111